

СОБЛАЗНЕННЫЕ И ПОКИНУТЫЕ

Разговор о новых документальных молдавских фильмах продолжает кинокритик Илья Марьяш

РЕЖИССЕР И. Скutelный после долгих трудов, пересъемок и перерасходов сметы сделал-таки фильм об Ионе Друцэ. Вот уж, казалось бы, есть кого и что снимать, о чем рассказать с экрана — ранее читательское признание, вынужденный отъезд в Москву, громкая слава на театральных подмостках нашей страны и Европы, сдержанно-недовольная реакция местного руководства и бодюловской пропаганды, триумфальное возвращение прозы и драматургии Иона Друцэ к молдавскому читателю и театральному зрителю, — много разных перипетий вместила творческая биография этого известного писателя. Но задача создателей полнометражной картины «Звон колоколов» (по сценарию Г. Маларчука) отнюдь не стала легче, проще от обилия фактов и драматических поворотов в судьбе их экранного героя.

Им удалось найти старые снимки и обрывки кинолент, отснять уже сегодня фрагменты спектаклей И. Друцэ на сценах Москвы, Праги, Братиславы, городов Франции, Ясс... В фильме есть несомненные кинематографические находки. Скажем, горький и тихий, второй и уже окончательный отъезд писателя в Москву — прощальный снимок на перроне. И тут же — торжественные, помпезные встречи в Кишиневе Брежнева, Щелокова, Черненко — еще бодрых вождей-жизнелюбов. Сцена из некогда «криминальной» картины «Последний месяц осени» — и магнитофонная рецензия Ивана Ивановича, записанная в наше время. Первая и до недавнего времени единственная постановка «Святая святых» в республике — в исполнении любительского коллектива, игравшего для глухонемых. Этот красноречивый факт, не нуждающийся в комментариях, уже был обыгран в художественной короткометражке «Афиша» (объединение «Феникс-М», реж. А. Бродичанский)... Дуб посреди дороги на родине писателя — мощное одинокое дерево-символ. Такой образ мог бы, конечно, стать центральным, ключевым для всего повествования, объединить отдель-

ные, разрозненные, метко подмеченные детали, факты, фрагменты, интервью, кусочки репортажей в кинопортрет неординарной личности. К сожалению, этого не произошло. То ли обилие материала помешало, то ли робость режиссера перед «живым классиком», то ли трудность проникновения в закрытый для всех мир творческой лаборатории писателя...

Не все в этой картине показалось мне оправданным. Вот, к примеру, табун прекрасных коней в замедленной съемке, слышны выстрелы... Видимо, авторы иллюстрируют ту тревогу за экологию природы, души, культуры, которая колокольным звоном звучит во многих произведениях Друцэ. Контраст вполне эстетичного зрелища с ружейными залпами эмоционально убедителен, но создатели фильма решили, что этого мало. В следующем кадре мы уже видим совсем страшное — две зарезанные лошади рядом с каруцей на пустом шоссе... А зачем? Решил проверить свое впечатление и не постеснялся спросить об этом у трех профессионалов — документалиста, местного и столичного критиков. Оказалось, их тоже смутила неожиданность и необязательность жесткой сцены.

Да, в целом эта киномозаика не сложилась в концепцию, в авторское видение фигуры И. Друцэ, его роли как мастера культуры. Конечно, все равно зрителю многое будет интересно в фильме — например, он увидит фрагмент дипломной работы В. Продана, сделавшего по рассказу писателя любопытную картину «Пошел, гnedой, пошел...» («Феникс-М»). Но тот же зритель наверняка с разочарованием воспримет сцены, в которых герой (неизменно при галстукке) как бы позирует на фоне молдавских пейзажей. Подметив эту деталь, часто эксплуатируемую в «Звоне колоколов», писатель Василе Василяке сказал: «За Друцэ надо было охотиться... Записать его очень острые, прямые реплики-экспромты... Может, имело смысл весь фильм построить на интервью с теми несколькими людьми, которых мы видели на старой фотографии в момент проводов? Тогда на экране получился бы живой полемич-

ный Друцэ, такой, каким его знаем». А художник Андрей Мудра, выступивший на блиц-обсуждении в Доме кино, отметив те же недочеты, сказал: «До какого-то ударного момента я бы вообще не показывал Друцэ на экране, а может, вообще сделал бы фильм о нем, но без него...». Словом, как уже повелось, каждый из нас, зрителей, снимает свое кино! Ну, кинопортреты писателей — вообще жанр очень сложный. Из тех молдавских лент, которые помню, в целом удачным считаю фильм Якоба Бургиу о Владе Иовице.

Более высокую оценку гостей Дома кино в тот вечер получила другая документальная работа Иона Скutelного — спецвыпуск «Устурича» № 84, посвященный проблемам дачного строительства в республике. Действительно, автор нашел интересный ход, используя (сообразно обстоятельствам) переозвученные кадры «Рабьны Изауры». Что и говорить — тема болезненная, и нельзя сказать, что кинематографистам удалось публицистически осмыслить все ее грани. Где-то не хватило точных выкладок и конкретики, которых, кстати, больше было в телепередаче о фазендомании 23 февраля. Местами сатира могла быть тоньше, изящнее: присутствие Изауры как-никак обязывало! Порой напрашивался более развернутый комментарий — скажем, после сцены набега сельских жителей на дачный участок. Старый тезис «грабь награбленное» был проиллюстрирован эффектной скороговоркой. Впрочем, в остроумии и оперативности авторов не откажешь.

ВСПОМИНАЕТСЯ фильм того же И. Скutelного «Земляки» (1986 г., по сценарию П. Кривоша) и лента А. Буруянэ «Москва — второй наш дом». Можно считать, что тема молдаван-«эмигрантов» продолжена в картине А. Юрьевой «Соблазненные и покинутые». Только здесь уже речь идет не о тех, кому не нравились установки на парадное, безконфликтное искусство по Ивану Ивановичу. По призыву комсомола герои поехали: одни — за туманом, другие — за запахом тайги, третьи — в надежде прежде всего поправить свое материальное положение. По

крайней мере, каждый из них откликнулся на патристический призыв сверху: «Надо!» Комсомол ответил: «Есть!». Об этом и хроника напоминает...

И вот мы видим улицу Кишиневскую в поселке при КАТЭКе. На экране — бараки, временки, коммуналки, неустроенный быт. Перспективы очень зыбкие... Нясно, что будет со всеми этими людьми в случае планируемого свертывания работ. Когда их звали ехать по комсомольским путевкам, гарантировали определенные льготы. В частности, через 10 лет работы — строительство кооперативного жилья в нестоличных городах по выбору. Однако это обещание правительства так и осталось на бумаге... Да, еще не раз вздохнем по правовому государству. Там в похожей ситуации был бы составлен договор, при невыполнении которого нанимателем любой доброволец получил бы такую компенсацию, что мог бы не только построить кооператив в Бердичеве, но и купить виллу на Багамах.

Пока же на виллах скорее всего живут те, кто заваривал всю эту кашу и на КАТЭКе (куда в общей сложности было направлено около 1400 посланцев республики), и на других комсомольских ударных. Феномен этот изучен не до конца. Рецидив традиции, уходящей корнями в первые годы Советской власти, когда диктатура пролетариата сама решала, где тебе трудиться? Беззастенчивая эксплуатация юношеского энтузиазма? Проявление недоброй и неумной силы, которая, правя нами, хочет все и всех перемешать? Или обычный эффект домысла, когда результат всегда через пень-колоду? Не знаю — экономистам и социологам виднее. Правда, тем, кого поманили калачом, а дали дырку от бублика, от этого не легче. И таких «соблазненных и покинутых» по всей стране, наверное, немало наберется. И конечно же, не только молдаван... И, к сожалению, не только на КАТЭКе. Посмотришь на все бессмысленные с точки зрения элементарного здравого смысла перемещения «рабсилы» и невольно воскликнешь: к чему весь

этот производственный онанизм под прикрытием псевдопатристических лозунгов? Естественно, что наши документалисты увиделись именно с посланцами республики и постарались разобраться — почему же все так произошло, как это случилось и что из этого получилось? На мой взгляд, их эмоциональный кинорассказ не вышел за средне-иллюстративные рамки. Один раз я смотрел фильм в пустом просмотровом зале, вторично — в кинотеатре. И, увы, в нынешней напряженной обстановке реакция зрителей оказалась нервной. «Молдаване» насупились и помрачнели, а «русские» восприняли ленту, как еще один, но замаскированный намек на большую тему, и оскорбились. Понятно, что кавычками условно обозначил имеющееся расслоение в обществе. (Надеюсь, ясно, что не стал в полутьме бегать по рядам и спрашивать, у кого какая «графа»). Авторов фильма винить в этом трудно: иди знай как воспримут твою работу в том или ином доме — учреждении, на пациентах которого мы начинаем походить все больше и больше.

МОГУТ спросить: а надо ли об этом сейчас, когда...? Такая осторожная позиция, кажется, доминирует. Только, боюсь, сама по себе она напряженности не снимет, никаких других проблем не решит. Все эти робкие фигуры умолчания разными путями ведут нас к одному, к тому, что и джиза, и демократия может снова стать одинаково мало. Предпосылки для создания фильма — наличие проблемы и желание авторов исследовать ее. Помните, у Марины Цветаевой: «Годность или негодность вещи для песни — может быть, единственное непогрешимое мерило ее уровня». Так вот, если уровень, то бишь результат, профессионален, то, не делая из общей старой проблемы еще одну сиюминутную дубинку, надо любую горькую правду выслушать и проанализировать. (Раз уж мы кричали, что очень по ней соскучились — будем последовательными!). Хотя понимаю и тех, кто успел затосковать по сладкой киножизни и хочет, чтоб им снова «сделали красиво».

Ну, показать на экране — дело не такое уж хитрое, а вот жить красиво... Непривычно, конечно, первое время мучались бы, но, думаю, как-то смогли бы! Да, сумели б запустить эффективный экономический механизм — зажили бы лучше и, соответственно, подобрили бы. А у документалистов вообще не было бы повода снимать такие фильмы, как «Соблазненные и покинутые». Тут, наверное, было бы уместно

вспомнить и ленты Г. Чубука, посвященные проблемам неоправданной миграции. О его остром удачном дебюте «Предъявите сценарий!» я уже писал в «Молдавке», а последняя картина молодого документалиста «Вама» («Таможня») показала мне откровенно слабый. В ней много разного, эмоционального, логически не выстроенного и неосмысленного киноматериала. Чувства авторов понятны, но сравнение вербовщиков с «гидеями» — кошмарами, эдакими шариковыми из подотдела очистки коммунизма, несколько натянуто и неубедительно. Подробнее останавливаться на этой ленте не стану, ибо недавно («ММ» за 24 апреля) режиссер Г. Чубук уже высказался о моей предвзятости. Чего доброго, действительно подумает, что рецензент с оптическим прицелом залег на крыше Дома печати и «пасет» именно его. Сами кинематографисты дали «Вама» низшую категорию — третью.

Фильм-крик, правда, ни на что не претендующий, сделал и режиссер В. Крученюк. «Хоть не рожай!» — лента — обвинение нашему бесплатному здравоохранению, которое как крупное социальное завоевание долгие годы было вне критики. Картина убедительно показывает ханжество и демагогическую лживость привычного лозунга о единственном «привилегированном классе» и зовет к немедленным решительным действиям. Поэтому ее надо смотреть правительству, а мы все это знаем не из отчетов и не из жалоб трудящихся, а, увы, по собственному опыту. Рожать, правда, автору этих строк пока не доводилось, но после просмотра почувствовал себя немножко беременным и ощутил все неприятные симптомы этого состояния... Читая кричащее письмо в газете, мы редко обращаем внимание на стиль — так и тут «оформление» отходит на задний план... И все же, когда в переполненной палате «графских развалин» документалисты подходят к молодой измученной женщине, лежащей рядом с новорожденным, и протягивают ей микрофон, что мы слышим? Не угадали, я тоже думал, что первые слова будут непечатными! Нет предела мужеству и долготерпению наших женщин: героиня старательно повторяет ту казенно-критическую «болванку», которую ей, видимо, помогли сформулировать кинохроникеры. Получилось не очень натурально. А может, когда выть хочется, надо выть? Хотя это и не интеллигентно...